

Л. А. Фин.

П. В. Анненков, первый издатель и биограф Пушкина

По неизданным материалам отдела рукописей и редких книг научной библиотеки
Государственного университета им. Н.Г. Чернышевского в Саратове.

Павлу Васильевичу Анненкову принадлежит почетное место в пушкиноведении. За ним остается имя первого биографа Пушкина и издателя его сочинений, подошедшего к этой гигантской задаче с более или менее научными методами. Связанный личными отношениями с Гоголем, Тургеневым и рядом других крупных писателей 40—50-х годов, П. В. Анненков до своих работ над Пушкиным был литератором не профессионалом, а любителем, и издателем Пушкина сделался по воле случая.

К концу сороковых годов очень неудовлетворительное по качеству посмертное издание Пушкина стало библиографической редкостью. Его можно было достать только у букинистов и за очень большие деньги. Это обстоятельство побудило вдову Пушкина подумать о переиздании полного собрания сочинений Пушкина.

В поисках подходящего издателя Ланские остановились на брате Павла Васильевича, Иване Васильевиче Анненкове, человеке им близко знакомом, служившем в одном полку с генералом Ланским. Отношение И. В. Анненкова к литературе ограничивалось четырехтомной историей полка, в котором он служил. Но, повидимому, по мнению Ланских, это делало его достаточно подготовленным для такой сложной и ответственной работы, как издание полного собрания сочинений Пушкина. Их интересовало переиздание сочинений великого поэта только как коммерческое предприятие, которое должно было обеспечить материальное положение детей Пушкина, и Анненков был удобен, как „свой человек“, на которого можно положиться.

В большой работе Б. Л. Модзалевского „Работы П. В. Анненкова о Пушкине“ (Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Прибой. 1929. Ленинград) частично опубликована переписка братьев Анненковых по поводу этого издания. Право издания полного собрания сочинений Пушкина было куплено И. В. Анненковым поразительно дешево: за 5000 руб. и притом в долг.

После подписания договора, И. В. Анненков получил в свое полное распоряжение все бумаги и рукописи покойного поэта. Эти бумаги хранились в двух сундуках, и нам, дорожающим каждой строчкой Пушкина, каждым его словом, делается жутко при мысли о таком варварском обращении с архивом величайшего поэта России. Прибавим, что по окончании работы, некоторые из пушкинских автографов так и остались в руках Анненкова, и далеко не все из них дошли до последующих издателей.

Очень скоро И. В. Анненков убедился в невозможности справиться с этой громадной работой своими собственными силами, так как помимо чисто технической работы по изданию, необходимо было дать хоть самые краткие, но все же комментарии к пушкинским текстам и нечто вроде его биографии. Ивану Васильевичу был необходим помощник, и таким помощником, по его мнению, должен был сделаться его брат Павел Васильевич. Переговоры между братьями продолжаются довольно долго, причем главный аргумент Ивана Васильевича против предоставления этой работы постороннему человеку таков: „зачем же эту сумму отваливать другому, когда ты можешь это сделать“. Уговоры эти продолжались с апреля 1852 г., и только письмо от 26 августа показывает, что Павел Васильевич согласился с доводами брата. Но П. В. Анненков начинал работу уже не как помощник, а совершенно самостоятельно.

Работа по изданию велась в нескольких направлениях. Прежде всего шел вопрос о самом тексте, о том, как следовало издавать Пушкина, что положить в основу издания и как быть с материалом, который по тем или иным соображениям не попал в посмертное собрание сочинений 1838 г. Не имея опыта в таком сложном деле, как издание полного собрания сочинений, П. В. Анненков должен был учиться в самом процессе работы. Совершенно естественно, что при отсутствии навыка и должного опыта, и при грандиозности поставленной задачи, ошибки и небрежности были неизбежны. Тем не менее П. В. Анненков с честью вышел из положения и дал, правда, не безупречное, но все же первое критически проверенное издание Пушкина и положил начало научному пушкиноведению.

Не менее сложно обстояло дело с биографией поэта, которая в то время вовсе отсутствовала. В пятидесятых годах, когда Анненков приступил к своей работе над Пушкиным, были еще живы ближайшие родственники поэта и его друзья. П. В. Анненков широко использовал метод непосредственных бесед с ними, причем совершенно несомненно, что ряд собранных таким образом данных он в свою биографию не включил. Ряд материалов остался неиспользованным из-за цензурных соображений, но не мало было выпущено, чтобы не задеть „семейных тайн“. Наконец, нет никакого сомнения, что Анненков не включил ряд материалов потому, что они не соответствовали тому образу Пушкина, который своей биографией стремился воссоздать Анненков.

И совершенно несомненно, что именно эта часть материалов была бы особенно ценной для нас, подходящих к образу Пушкина, великого протестанта и бойца, совершенно с других позиций.

Оставшиеся в живых друзья Пушкина — Плетнев, кн. Вяземский и другие деятельно помогали Анненкову своими воспоминаниями и советами, но все же надо признать, что даже эти ближайшие друзья недостаточно серьезно отнеслись к своей задаче.

Как известно, самой ценной для нас является именно фактическая сторона работы Анненкова. Примененный им метод собирания сведений от людей, близко и непосредственно знавших Пушкина, и тщательная проверка всех приводимых фактов делают его труд необходимым подспорьем для всех, кто хочет поподробнее ознакомиться с деталями жизни Пушкина.

Как следует из переписки Анненкова с И. Тургеневым (Модзалевский, цит.), работа была закончена 20 июля 1853 г. и поступила в цензуру. Тут начались совершенно невероятные мытарства, несмотря на все предосторожности, принятые Анненковым. В связи с этим интересно такое признание Анненкова Погодину: „Что в молодости и кончине есть пропуски — не удивляйтесь. Многие даже из того, что уже напечатано и известно публике, не вошло и отдано в жертву, для того, чтобы по крайней мере внутреннюю творческую жизнь поэта сберечь целиком“ (Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. XIV, стр. 170).

Особенное беспокойство вызывали у Анненкова последние месяцы жизни Пушкина. Совершенно несомненно, что Анненков, при его исключительной осведомленности знал очень много о Пушкинской дуэли того, что осталось неизвестным последующим биографам Пушкина. Вот что читаем в его письме Тургеневу (12 октября 1852 г., Модзалевский, цит., стр. 292): „Третий месяц живу один одинешенек в деревне и недоумеваю, что делать. Он в столице, он женат, он уважаем и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так и сяк обходишь, а в результате выходит одно: издавал Современник и участвовал в библиотеке... Есть кой какие факты, но плавают они в пошлости“. И прекрасно понимая, почему Анненкову „нечего сказать“, Тургенев советует ему закончить свою работу рассказом Жуковского о смерти Пушкина, прибавляя: „лучше отбить ноги статуе, чем сделать крошечные не по росту“. История цензурных мытарств Анненкова подробно изложена им в его статье „Любопытная тяжба“ (П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 г. СПб. Издание Суворина, 1892 г.).

Только 7 октября 1854 г. было получено разрешение Николая на печатанье Анненковского труда, с очень характерной резолюцией: „Согласен, но в точности исполнить, не допуская отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора“.

После этого разрешения работа пошла, наконец, в набор, и в Месяцеслове на 1855 г. появилось объявление о приеме подписки на сочи-

нения А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова. Издание предполагалось в шести томах, причем первые три тома редактор обещал выпустить в марте, а остальные — в течение лета 1855 г. Весь первый том посвящен биографии Пушкина и скромно назван Анненковым „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений“ Некоторое реальное представление о размерах цензурных урезок дает то обстоятельство, что в 1857 г., когда цензурный гнет несколько смягчился, Анненков смог выпустить целый том пушкинских текстов (седьмой).

Прибавим, что „Пушкин“ П. В. Анненкова имел громадный успех у современников и рассматривался, как первое культурное издание европейского типа. Кроме того, это была первая после смерти Пушкина попытка произнести вслух имя Пушкина, показать, что русская литература не забыла великих заслуг Пушкина и свято хранит пушкинские традиции, несмотря на весь страшный гнет николаевского режима. „Предприятие Анненкова“, пишет А. Н. Пыпин (В. Ев., март 1892 г., стр. 301—344. П. В. Анненков и его друзья, стр. 303): „было особенно ценно в обстоятельствах, среди которых жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень мало благоприятные. Окруженная тяжелым недоверием и подозрениями литература едва хранила нить преданий сороковых годов, и издание Пушкина приобрело цену нравственного одобрения; это было притом не только напоминание, но в значительной степени и реставрация писателя, который для русской критики 40-х годов был величайшим явлением русской литературы и залогом ее будущего. Труд Анненкова был первый в своем роде опыт исследования внешней и внутренней биографии писателя, история его содержания и способов творчества. Позднее, когда подобные изыскания установились и размножились вообще историко-литературный материал, не трудно было указать недосмотры и ошибки в работе Анненкова; забывают только, что в подобных случаях чрезвычайно важно и особенно трудно бывает именно начало“.

Подробную сводку высказываний современников по поводу работы Анненкова дает в уже неоднократно цитированной работе Б. Л. Модзалевский.

Первые нападки на Анненкова и обвинения его в небрежном использовании драгоценных пушкинских материалов были сделаны Ефремовым в 1880 г. а позднее Якушкиным, который писал, что Анненков „пренебрег значительно, большею частью бывшего у него в руках материала“.

Несомненно, недостаточная полнота Анненковского „Пушкина“, помимо цензурных притеснений и недостаточной подготовленности самого Анненкова, о чем мы уже говорили, могла в какой-то мере зависеть от некоторой небрежности в работе. Об этом очень ясно говорит следующее письмо другого брата Анненкова, Федора Васильевича, П. В. Анненкову от 21 апреля 1852 г., когда он еще не приступил вплотную к работе над Пушкиным: „Ванюша (И. В. Анненков)

роется... в бумагах Пушкина и нашел очень и очень много хороших вещей, как для сведения, так и для печати, что тобою без внимания были пропущены, — и твоя ленность и самоуверенность была тому причиной, что не до основания были просмотрены все рукописи“.

Обращает внимание разделение материалов: „для сведенья“ и „для печати“. Этому правилу, как мы уже говорили, строго следовал и сам П. В. Анненков. И поскольку подход Анненкова нас не может удовлетворить, нас будет интересовать каждая такая выпущенная Анненковым в печати строчка. А если мы вспомним, что никто из последующих редакторов и биографов Пушкина не имел в руках такого драгоценного подлинного материала, которым располагал П. В. Анненков, то для современного исследователя будут исключительно интересны все материалы, которые могут дать представление и о том, как работал Анненков над Пушкиным, и о том, что имелось в его распоряжении. Думается, что в этом плане представляют ценность и материалы рукописного отдела университетской библиотеки Саратова.

В отделе рукописей и редких книг этой библиотеки имеются следующие материалы из Шляпкинского Архива, непосредственно связанные с работами Анненкова над Пушкиным. Это, во-первых, толстая тетрадь — черновик работы Анненкова по изданию пушкинской прозы, затем черновые листки 1866 г., озаглавленные Шляпкиным „Ответ Анненкова на критику“, и наконец несколько листков: „цензурные урезки из сочинений А. С. Пушкина“. Документы личного порядка, несколько писем братьев Анненковых, не содержащих ничего интересного в литературно-общественном отношении, и несколько деловых бумаг мы намеренно оставляем в стороне.

Обратимся прежде всего к тетради — черновику. Это толстая тетрадь нелинованной желтоватой бумаги, без водяных знаков. Размеры тетради 33,8 × 21 см. Тетрадь переплетена в бумажный переплет с кожаным корешком. На первой странице чернилами, рукой Шляпкина:

П. В. Анненков

ЧЕРНОВАЯ ЕГО РАБОТ О ПУШКИНЕ

Ниже более мелко: Поправки к сочинениям А. С. П. в издании Анненкова, сделанные по оригиналам Рум. музея. Проза. ср. у Якушкина, Рус. Старина 1884.

В верхней части листа печать библиотеки Сар. Ун-та, внизу, круглая печать библиотеки Шляпкина.

Всего в этой тетради 164 листа, которые заполнены далеко не целиком.

Вся книга писана карандашом, рукой Анненкова, за исключением одного листа, писанного повидимому переписчиком.

Рукопись имеет поля в 5,7 см шириной; ими пользуется Анненков для своих примечаний.

Как явствует из заглавия, тетрадь посвящена исключительно прозе. Но надо сказать, что заглавие дано Шляпкиным неудачно. Неясность

вносит „Поправки к сочинениям А. С. П. и пр.“. Создается впечатление, что эта тетрадь посвящена именно поправкам, тогда как на самом деле это черновая работы Анненкова по подготовке к печати пушкинской прозы. Повидимому эту строчку о поправках следует понимать, как заметку Шляпкина для себя о том, где следует искать материал для сличения текстов Анненкова.

Внимательное изучение этой тетради совершенно ясно показывает, что, готовя полное собрание сочинений Пушкина, Анненков исходил из посмертного издания 1838 г. и затем дополнял его частью рукописным материалом из „сундуков“ Ланской, частью же выборками из старых журналов.

Например, на первом же листе вверху читаем: „Т. XI—91“. В заглавии сказано „последний из родственников Иоанны д'Арк у Пушкина из свойственников“.

Эти две строчки нетрудно расшифровать, если взять в руки XI том посмертного издания Пушкина и раскрыть его на 91-й странице, где и напечатан отрывок „Последний из родственников Иоанны д'Арк“.

Интересно, что ошибка издания 1838 г. была повторена последующими издателями Пушкина; например, в издании Лит. фонда все еще читаем „родственников“. Таких примеров можно назвать очень много и везде это указание: сначала на том посмертного издания (римская цифра), а затем на страницу (арабская).

Совершенно несомненно широкое использование старых журналов, ссылки на которые очень часто встречаются в тетради Анненкова. Например, под цитированной выше заметкой идут две зачеркнутые строчки: „В сочинениях Пушкина пропущена статья Российская Академия, бывшая в печати в Совр.“, т. е. в издании 1838 г. выпущена статья, напечатанная при жизни Пушкина в его журнале Современник. На полях против этой заметки стоит нотабене и рукой Анненкова „переписать“. Так как переписывал не сам Анненков, а переписчики, то очень возможно, что работу они производили механически, отсюда и ошибки, которые впоследствии ставили в вину Анненкову.

Два листа Анненковской тетради заняты перечислением старых журналов, в которых были напечатаны некоторые статьи или отрывки из произведений Пушкина. Приводим этот перечень полностью:

КРАЕВСКОГО ТЕТРАДЬ

Северные цветы 1828 (205)	Отрывки из писем мысли и замечания*
Северные цветы 1830 1828	Отрывки из литературных летописей.
Сто русских литераторов 1839	Распри между двумя известными журналистами и т. п.
	Одна глава из неоконченного романа: Гости съезжались на дачу. Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими одновременно из театра.....

* На полях приписка Анненкова: „выпущено“.

Телескоп 1831 (135)	Торжество дружбы или оправданный А. А. Орлов.
Телескоп (412)	Несколько слов о мизинце...
Современник кн. 3.	Мнение Лобанова.
Современник кн. 3.	Об истории Пугачевского бунта.
где было напечатано?	О гр. Сталь и о Г. А. М-ве. Из всех сочинений г. Сталь книга Дельфина....
где было напечатано?	О предисловии г. Лемонте к переводу басен Крылова. Письма к Погодину.
В Москвитянине	Разбор Марфы посадицы.
Северные цветы 1826	Отрывок из письма Пушкина к Д. Из Азии переехали мы в Европу..
Литературная газета 1830 (14)	Разбор Иллиады
Литературная газета (39)	Об выходе записок Самсона
там же (98)	Про одного из московских журналистов
там же (31)	Об лит. Газ. и об истории Полевого
там же (96)	История Полевого.
там же (98)	Англия есть отечество карикатуры.
там же (129)	В третьем номере Мос. Вест.
там же (161)	В 39 № Сев. Пчелы.
там же (293)	С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей.
1830 там же (72) № 46	Новые выходы против так называемой литературной аристократии.
там же № 51	Об истории русского народа 2 части.
там же № 53, 139 стр.	Горестно видеть, что некоторые критики.
там же № 54, 147	На сих днях г. Ф. Б.

Приведенная выписка является лишним подтверждением свидетельства Л. Майкова о том, что „в бумагах Анненкова сохранились целые тетради его выписок и извлечений из журналов... (из Вестника Европы, Московского Телеграфа, Московского Вестника, Атенея, Телескопа и т. д.)“ (Л. Майков. Пушкин СПб. 1899). Повидимому тетрадь, имеющаяся в саратовской университетской библиотеке, одна из первых черновых тетрадей Анненкова, где он просто подбирал сырой материал и такую сводку журналов сделал для удобства. Обращает внимание первая строчка „Краевского тетрадь“. Судя по расположению ее в рукописи в середине страницы, как бы заглавие всего списка, эта фраза относится ко всему перечню старых журналов, полностью приводимому нами. К сожалению, в литературе никаких указаний на существование тетради Краевского нам найти не удалось. Не исключена возможность, что Краевский, тесно связанный с литераторами 40-х годов, издатель крупных журналов, сам журналист, мог собирать какие-то материалы о Пушкине и что этими материалами он поделился с Анненковым. Но,

конечно, это только гипотеза. Может быть в еще неопубликованной переписке братьев Анненковых, хранящейся в Музее Русской Литературы в Ленинграде, и найдется какой-нибудь ключ к этим словам, а вместе с тем найдутся и какие-нибудь неизвестные материалы о Пушкине.

Еще одним доказательством того, что Анненков исходил именно из печатного текста, а затем уже дополнял его выборками из пушкинских рукописей, является следующая запись. В тетради Анненкова на листе 3 читаем: „При статье Байрона есть лист переводу одного из произведений Байрона“, и после этого замечания идет самый перевод. Несмотря на то, что Анненков нашел этот любопытный перевод Пушкина, он почему-то решил его в свое издание не включать и на полях приведенной заметки написано „не нужно“. Интересно, что последующие дореволюционные издатели Пушкина также нередко следовали этой традиции, хотя Якушкин в своем капитальном описании Пушкинских рукописей приводит и этот отрывок, правда, неполностью. Весь текст полностью приводится впервые в монументальном труде М. А. Цявловского, Т. Г. Зенгер и Л. Модзалевского „Рукой Пушкина“, 1935, Academia, Москва, в разделе „переводы“.

В общем, выписка Анненкова почти буквально совпадает с транскрипцией, сделанной Т. Г. Зенгер в „Рукой Пушкина“. Все же поскольку перевод этот мало известен и книгу „Рукой Пушкина“ тоже видели немногие, привожу этот перевод из Байрона полностью, в том виде, как он записан у Анненкова:

„Ни в краях по коим я странствовал и где красота издавна почиталась совершенством; ни в видениях по коим сердце вздыхает, сожалея, что они пустые грезы; ничего тебе подобного не явилось мне ни во сне, ни на яву.

Тщетно захотел бы я описать изменчивые и блестящие твои прелести.

Для того, кто тебя не видал слова мои были бы слабы; для того, кто тебя видел, какая речь может их выразить.

Останься век та же что ты теперь, достойная обещаний весны твоей, прекрасна видом, сердцем горяча и беспорочна, образ на земле бескрылой любви, необманчивая перед воображением надежды и верно та, которая с такой нежностью бережет юность свою, видит в минутном ее сиянии небесную радугу будущих ее годов, перед которой все печали исчезают.

Юная пери Запада! Простишь ли что мои года почти вдвое превышают твои лета, бесстрастный взор мой может тебя видеть не смущаясь и безопасно глядеть на блеск твоей расцветающей красоты.

Счастливи уж я, что не увижу ее увядания; но счастливее тем, что пока молодые сердца истекать будут кровью, мое избежит участь назначенную тобой даже и тому, чье удивление хоть восторжествует, но смешанное с муками, определенными самым счастливейшим часам любви.

О пусть блещут эти очи, дикие как у газели, то ярко смелые, то прекрасно стыдливые; увлекательные, когда сверкают, ослепляющие, когда недвижные.

Не откажи моему стиху той улыбки, о которой тщетно вздыхал бы я, если бы мог быть для тебя более нежели другом. Милая дева, дозвожь мне награду сияю. Не спрашивай зачем столь молодому созданию я посвящаю песни мои, но дай мне вплести в мой венок одну чистой-шую лилию.

Так имя твое, вплетенное в мои стихи, и когда дружеский взор читателя упадет на страницы Гарольда, имя Ианфы здесь освященное, первое встретит его, когда последнее будет забыто. Дни мои единожды сочтены; когда не станет меня, пусть это давнее приношение привлечет персты твои к лире того, кто некогда приветствовал тебя любезною какоюю была. Вот все, чего желаю для своей памяти, более нежели держу надеяться; но дружба может ли менее требовать“.

Этот перевод является неотделанным переводом посвящения поэмы Байрона „Паломничества Чайльд Гарольда“. Как пишет Т. Г. Зенгер, повидимому перевод сделан в 1836 г. Несмотря на то, что перевод сделан вчерне, местами он поразительно удачен. Вообще вопрос о Пушкине-переводчике заслуживает серьезного изучения и еще ждет своего исследователя.

Нельзя не отметить почти полного совпадения между транскрипцией Анненкова и транскрипцией современных пушкинистов. Останавливаюсь на этом факте, как на доказательстве серьезного подхода Анненкова к изучению рукописей, если только он находил это нужным. К сожалению, последнее было не всегда, и Анненков слишком верил изданию 1838 г. или же просто физически был не в состоянии справиться с такой грандиозной задачей, как проверка всего пушкинского наследства по рукописям.

Зная внимание, с которым читал и изучал Пушкинские рукописи Анненков, хотя повидимому он не всегда мог воспользоваться плодами своей работы, мне думается, следует с большим вниманием относиться к Анненковским черновикам, в которых он делал выписки из источников, для нас зачастую уже недоступных. Расхождение в одном слове или в порядке следования нескольких слов могут объясняться разницей в транскрипции, или даже небрежностью. Но когда в Анненковской тетради находишь целые абзацы, не попавшие в печать, их нельзя обойти молчанием.

Как известно, по первоначальному замыслу поэта, Предисловие к „Путешествию в Арзрум“ должно было быть гораздо длиннее, чем мы видим в печатных изданиях. Это сокращение сделал сам Пушкин, так как цензура разрешила все вступление целиком. Приводим для сличения с Анненковской записью текст выпущенного Пушкиным отрывка по последнему изданию Пушкина под редакцией Б. Томашевского (Ленинград, 1936, изд. Худ. Литература):

АННЕНКОВ:

*Лист 13 вторая половина и 14,
первая*

Перед путешествием в Арзрум пропущено.

„В 1829 г. отправился я на Кавказ лечиться на водах. Находясь в столько близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей и братом, служившим тогда в 13 Ниж. драгунском полку. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел; армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную, побудило меня просить Е. С. Гр. Паск. Эриванского позволения приехать в армию. Таким образом видел я блестящую войну конченную в две недели, переход через С. и взятие Арзрума.

Журналисты наши как то о том проведали; по возвращении своем напечатал я одну из глав Ев. Он. написанную года три назад. В Сев. Пчеле неизвестный Аристарх побранил меня не на шутку, ибо, говорил он, мы ожидали не Ев. Онег. а поэмы на взятие Арзрума.

Почтенный В. Ев. также пороптал на певунов, которые не пропели успехи нашего оружия. Все это было довольно странно; какое им было дело до моих путешествий и неужели я непременно обязан писать именно то, что прикажут журналисты. Что за несчастные люди русские писатели! Они одни находятся вне устава цензурного; наша частная жизнь подлечит обнародованию.

О каком офицере решился бы журналист написать например следующее: мы надеялись, что Г. такой-то возвратится из похода с георгиевским крестом вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку.

ТОМАШЕВСКИЙ:

Стр. 507 и 908.

В 1829 г. отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис,—я уже никого из них не нашел.

Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича Эриванского позволение приехать в армию. Таким образом видел я блистательный поход увенчанный взятием Арзрума.

Журналисты как то о том проведали. В газете политической побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арзрума. Мы надеялись, писал известный рецензент и пр. Один из Московских журналов также пороптал на певунов, не воспевших успехи нашего оружия.

Я конечно не был обязан писать по заказу гг. журналистов. К тому же частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнародованию. Нельзя было бы например, напечатать в газетах: Мы надеялись, что г. прапорщик такой-то возвратится из похода с георгиевским крестом, вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила б.

Зная, что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и требованях рецензентов, я не стал оправдываться. Но обвинение важней-

Ясно, что цензура этого бы не пропустила.

Однако ж я не отвечал, не желая доставить Гостинному двору приятное зрелище авторской травли и зная, что публика столь же мало заботится о причине моих путешествий, как и строгих требованиях моих рецензентов.

Но недавно попалась мне в руки книга напечатанная в прошлом году...

шее заставляет меня прервать молчание“...

Совершенно ясно, что между этими двумя текстами такие значительные различия, которые никак не могут быть отнесены ни за счет ошибок, ни за счет разночтений. Заметим кстати, что и в дореволюционных изданиях Пушкина, напр. в издании Литфонда, приводится текст, данный Томашевским. Текст Анненкова гораздо полнее и, если можно так выразиться, раскрывает скобки. Оставим в стороне незначительные расхождения в начале: „Кавказ“ и „Кавказские воды“ и остановимся на конце первого абзаца, где разница гораздо существеннее. „Таким образом видел я блестящую войну, конченную в две недели, переход через С(оганлу) и взятие Арзрума“, читаем у Анненкова. Текст Томашевского: „Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума“ Текст Анненкова гораздо подробнее, указана длительность войны, упомянут переход через Соганлу и пр.

Различия во втором абзаце гораздо более существенны. Прежде всего в анненковском тексте говорится не о „стихотворении“, а прямо назван „Евгений Онегин“, и даже „одна из глав Ев. Онег., написанная три года тому назад“. Затем, вместо глухого „в газете политической“ названа прямо и определенно эта газета: Северная Пчела, точно так же, как вместо „один из московских журналов“ прямо сказано: „почтенный В. Е.“, т. е. Вестник Европы. Далее, у Анненкова идет целый абзац, совершенно отсутствующий у всех других издателей: „Все это было довольно странно; какое им было дело до моих путешествий и неужели я непременно обязан писать именно то, что прикажут журналисты. Что за несчастные люди русские писатели! Они одни находятся вне устава цензурного“... Из всего этого острого пушкинского выпада обычно печатается, да и то с изменением: „Я конечно не обязан писать по заказу гг. журналистов“, тогда как Пушкин после эмоционального: „что за несчастные люди русские писатели!“ напротив, говорит, „неужели я непременно обязан писать именно то, что прикажут журналисты“. Наконец, во всех печатных текстах отсутствует конец: „Однако ж я не отвечал, не желая доставить Гостинному двору приятное зрелище авторской травли“. Все это заставляет нас думать, что в дан-

ном случае расхождения объясняются тем, что в руках Анненкова были какие-то материалы, не дошедшие до нас, возможно какие-то, как он их называл, „клочки“.

Во всяком случае эти до сего времени неизвестные фразы Анненковского текста очень интересны, так как дополняют наши сведения о литературной борьбе Пушкина с Булгаринской кликой. Как известно, „Путешествие в Арзрум“ полностью появилось только в 1836 г., а ранее Пушкин напечатал из него в Литературной Газете только небольшой отрывок „Военногрузинская дорога“. Но во всяком случае это „Путешествие“ писалось раньше и своим предисловием Пушкин очень недвусмысленно отвечал Булгарину и Надеждину, грубо критиковавшим Пушкина за то, что он не воспел „побед русского оружия“. Возможно, самая резкость предисловия заставила Пушкина выбросить приведенные нами строчки.

Интересно, что в выпущенных строфах „Домика в Коломне“, написанного вскоре по возвращении поэта из Арзрума, есть также прямое обращение к назойливым журналистам, которые самовластно предписывают писателям темы для их сочинений. В сущности весь „Домик в Коломне“ и является необычайно тонким и остроумным ответом Пушкина на требование воспеть „победы русского оружия“. Пушкин берет героя военного и заставляет его действовать не на войне, а в скромной мещанской слободке. Направленность против Булгарина поэтом сначала даже не завуалировалась:

„Но, муза, им и в шутку не грози,
Не то тебя покроем телогрейкой
Оборванной, и вместо похвалы
Поставим в угол Северной Пчелы“.

А один из черновых набросков, повидимому относящийся тоже к „Домик в Коломне“, как бы развивает в стихотворной форме мысли, приведенные в Анненковском тексте:

„Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россия
И написал скорее мадригалы
На бой морской, на бегство персиян,
А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут...“

На первой странице 23-го листа Анненковской тетради идет известная запись Пушкина об истории создания „Графа Нулина“. Между прочим Анненков дает абзац, который отсутствовал во всех прежних изданиях Пушкина и восстановлен только в наши дни в последних изданиях Пушкина, например, в шеститомнике под ред. М. А. Цявловского (1934) „Итак, республикой, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями мы обязаны соблазнительному происшествию подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве в Новоржевском уезде“.

Замечу кстати, что такие случаи, где в черновой тетради Анненкова имеются тексты, восстановленные только последними нашими советскими изданиями Пушкина и выпавшие из поля зрения прежних Пушкинских издателей, очень часты. Они с одной стороны говорят о том, что Анненков прекрасно разбирался в пушкинских текстах, но, как мы уже отмечали, частью из цензурных соображений, частью по невозможности для него одного справиться с такой трудной задачей далеко не всегда использовал эти черновики в своем издании. Второй вывод напрашивается сам собой: последующие издатели, как например Морозов, Ефремов и некоторые другие, гораздо шире использовали посмертное издание Пушкина 1838 г., чем это представлялось до сих пор.

Самое интересное в анненковском тексте о „Графе Нулине“ — последняя фраза, отсутствующая даже в самых полных советских изданиях Пушкина, а между тем эта фраза чрезвычайно многозначительна: я имею привычку на моих бумагах выставить год и число. Гр. Нулин написан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.

Совершенно очевидно, что эта пушкинская фраза должна быть поставлена в прямую связь с восстанием 14 декабря. Но возникает вопрос, что именно имел тут в виду Пушкин. По признанию самого поэта, он не смог противиться двойному искушению пародировать Шекспира и историю. Думается, что загадочная фраза и должна быть связана с этим указанием на пародийный характер графа Нулина.

В восстании 14 декабря были две стороны: царское самодержавие и декабристы. Кого из них имел в виду Пушкин, делая это „сближение“ с пародированьем историй? Эта таинственная фраза напрашивается на сопоставление с не вполне понятной до сих пор надписью Пушкина под его рисунком с виселицей и трупами пяти казненных декабристов: „и я бы мог, как шут...“

Восстание декабристов не удалось, поскольку декабристы не пошли на соединение с народом и не решились начать действовать, а между тем последствия восстания были бы совсем иными при другой, более решительной тактике декабристов. И, может быть, Николай „со стыдом принужден был отступить“, действуя декабристы более решительно.

Возможно, это имел в виду Пушкин, вспоминая в 30-х годах историю создания графа Нулина.

А может быть Пушкин видел в восстании декабристов, несмотря на его неудачу, смелый вызов крепостническому самодержавию Николая, пощечину, которую, как мы знаем, Николай не мог забыть до конца своих дней.

Во всяком случае, только путем тщательного изучения Пушкинских рукописей и Анненковских тетрадей в ИРЛИ мы сможем ответить на этот вопрос. Места для всевозможных предположений очень много, но следует не заниматься бесплодными гипотезами, а приступить к тщательнейшему пересмотру Пушкинских черновиков. Несомненно, что

таким путем будут разрешены многие загадки и наше представление о Пушкине значительно расширится и обогатится.

Интересна и такая запись Анненковского черновика. На обороте листа 48 и верхней трети листа 49 в черновике Анненкова читаем высказывание Пушкина об отношении женщин к поэзии. Этот отрывок издавна печатается в изданиях Пушкина в разделе „Отрывки из писем, мысли и замечания“. Анненковский текст значительно разнится от обычных, почему мы и приводим его, давая для сравнения текст этого же отрывка по шеститомнику.

АННЕНКОВ

Наши писатели жалуются на равнодушие женщин к русской поэзии и на их незнание отечественного языка. Они совсем неправы. Дама самого лучшего общества, т. е. та которая всего реже изъясняется на своем языке, конечно может понять стих. Бат (юшкова), Жуковского. Природа одарив сии милые создания тонким умом, нежнейшей прелестью и драгоценными добродетелями, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Руссо заметил уже что ни одна из женщин писательниц не становилась выше посредственности. Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии. Нежные их умы неспособны к мужественному изложению мыслей; предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут чем более вслушивается в их суждения, тем более удивитесь кривизне и даже грубости их понятий.

Из приведенных текстов совершенно очевидно, насколько полнее Анненковский отрывок, кроме того довольно значительны расхождения и в отдельных словах. Возможно, что Анненков исходил из какого-то другого черновика, который остался нам неизвестен. Во всяком случае вряд ли можно думать, что Анненков просто механически смешал два разных черновика. Абзац, отсутствующий во всех изданиях Пушкина, начиная с „Руссо заметил“ и кончая „предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием“, органически связан со всем отрывком и представляется невозможным, что он попал в контекст случайно.

ШЕСТИТОМНИК (т. 5, стр. 21—22)

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиной незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительной, едва ли не отказала им в чувстве изящного...

Вслушивайтесь в их литературные суждения и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятий.

Как показывает внимательное изучение Анненковской тетради, иногда Анненков произвольно соединял беловую и черновую рукопись. Пример такого обращения с рукописями Пушкина видим на листах 21 и 22 Анненковской тетради, где Анненков соединяет черновик известного письма Пушкина к Гнедичу с беловиком (о Кавказском пленнике) и пишет сначала латинский эпитаф беловика и две первые строчки его начала, затем переходит к черновику, который воспроизводит неполно и заканчивает снова беловиком, цитированным в начале.

Несомненно смещением беловика с черновиком следует объяснить расхождения между текстом „Записки о народном воспитании“ в Анненковской тетради и лучшими послереволюционными изданиями Пушкина. К тому же в тексте „Записки о народном воспитании“ Анненковым изменен порядок следования абзацев. Интересно, что в Анненковском тексте есть две фразы, отсутствующие во всех изданиях Пушкина, как до, так и послереволюционных: *„Воспитание должно быть совершенно преобразовано, для сего необходимо начать свыше“*, и затем говоря о необходимости изменения воспитания, Пушкин (по Анненкову) пишет: *„Словом надо, чтоб юность училась в общественных заведениях, а ее праздновали в харчевнях“*.

Таковы в основном самые интересные из „расхождений“ Анненкова с печатными редакциями Пушкина.

Как мы уже говорили в начале, Анненков в своей работе исходил из посмертного издания 1838 г., затем широко пользовался старыми журналами и наконец, непосредственно рукописями поэта. Во времена работы Анненкова эти рукописи были просто перенумерованы жандармами и связаны в пакеты. Ссылки на эти „пакеты“ часто встречаются в нашей тетради. Например, читаем на листе 146, на обороте:

Отрывки из дневных записок А. С. Пушкина.

26 июля (пакет 8 — тетрадь 4 лист-31), т. е. запись на 26 июля следует искать в пакете № 8, в тетради № 4, на листе 31.

Зачастую после указания номера пакета находим пометку Анненкова: „переписать от Р до Р от П до П“ „красным“ и пр. Что изученная нами тетрадь представляет совершенно сырой материал, ясно, так как наряду с текстами, попадаются выборки из писем, цитаты и пр. Повидимому разборка велась просто под ряд.

Не менее интересна вторая принадлежавшая П. В. Анненкову рукопись. Она имеет следующий вид: пожелтевший лист нелинованной писчей бумаги, без водяных знаков, в левом углу вверху карандашом № 1207.

Несколько ниже тоже карандашом: „Из библиотеки Шляпкина“.
В середине листа чернилами рукой Шляпкина:

Биография А. С. Пушкина

ответ

П. В. Анненкова на критику.

В нижнем левом углу инвентарный номер Университетской библиотеки
№ 1861 а.

В этот лист, как в папку, вложены два листа такой же пожелтевшей нелинованной бумаги без водяных знаков. Листы исписаны с обеих сторон рукой Анненкова. Рукопись, вне всякого сомнения, черновая, писана чернилами, с большими помарками, для поправок оставлены поля. Начала рукописи нет. Листы перенумерованы (повидимому Шляпкиным — карандашом), нумерация идет через страницу, цифры в правом верхнем углу.

Приводим рукопись в окончательном чтении, выпуская для удобства читателя все зачеркнутое самим Анненковым. Несколько слов остались неразобранными и во всех этих случаях мы ставим „неразб.“

„... пользуясь как ими, так и вообще значительной биографической литературой о Пушкине, возникшей у нас, уловить черты нравственной его физиономии и по мере наших сил и способностей создать образ поэта, который имел бы по крайней мере настолько внутренней правды и логической истины, чтоб мог существовать в виде предположения или в виде гадательного портрета с приблизительным сходством выражения. Провозглашение такой задачи, конечно, было бы не новостью в Европейских литературах, которые давно выработали для виднейших своих деятелей совершенно ясные очертания, возвели их до полных нравственных типов и в биографических трудах своих уже ограничиваются глубоким исследованием психических основ того или другого характера. Не то у нас. Мы знаем, например, что несмотря на богатство биографического материала, собранного вокруг имени Пушкина, сам он, как человек, как политическое и общественное лицо и как характер остается едва ли не с теми скудными нравственным чертами, какие состояли за ним тридцать лет назад, в годину его внезапной смерти. К числу причин, мешающих естественному росту типов на Руси конечно должны быть причислены многообразные официальные дружеские и семейные секреты, в которые облакается у нас каждая замечательная личность тотчас, как сходит с арены света и из которых некоторые действительно заслуживают полного уважения нашего, но значительная часть которых направлена именно к тому, чтоб ревниво и подозрительно держать общество и исследователей на расстоянии, не позволяющем взглядеться пристально в лицо, глубоко заинтересовавшее их.

Когда наконец дружными их усилиями некоторая часть бесполезной тайны бывает разоблачена является другая тайна возникновения реального образа.

Собиратели биографических подробностей и передатчики своих воспоминаний предоставляют обыкновенно работу создания семейным документам и данным, какие они сообщают ничем не пополняя их от

себя кроме примирения встречающихся противоречий более или менее искусными приемами и кроме наблюдения за равномерным распределением черных и светлых красок в своих картинах с помощью большей или меньшей обработки тех или других. Таким образом невольно случилось, что Пушкин при великом обилии любопытных и занимательных, весьма добросовестно и (неразб.) тщательно собранных исследователями его жизни и даже мастерски в известном смысле изложенных (неразб.) ими, остается по преимуществу скорее предчувствуемой чем скольконибудь определенной нравственной величиной.

Справедливость требует однакож сказать, что нам известны и попытки изобразить поэта, как цельный, самостоятельный характер, как личность с родовыми психическими отличиями. Таким является Пушкин именно в записках двух своих товарищей по лицу, барона М. А. Корфа и покойного И. И. Пущина*.

Записки эти при всей своей краткости, вполне заслуживают название „драгоценных“, ибо тут на основании немногих фактов, вряд ли составляющих и сотую долю биографического материала, каким может похвастаться у нас любая статья о Пушкине, авторы набросали первые черты живой человеческой фигуры, как она представлялась их пониманию. Тот, кто хорошо ознакомился с содержанием обеих записок, конечно не будет нисколько удивлен, если мы скажем при этом, что лицо Пушкина, сохраняя в каждой из них несомненные черты живого портрета с натуры является однако в двух различных видах, если не исключаящих себя взаимно, то во всяком случае не имеющих ничего похожего на родственную связь между собой. Оба автора сходятся только на признании необычайных способностей Пушкина, а затем каждый рисует особенный тип, который при полном развитии своего свойства и выражения должен непременно отойти от своего двойника на весьма значительное расстояние. Лицо Пушкина у барона Корфа например выступает, даже при первом появлении своем на пороге лица с крупными чертами необузданной демонической природы, всегда чрезвычайно мало уважавшей права других и нравственные основы вообще, и всегда чрезвычайно высоко ставившей удовлетворение соб-

---

* Из отрывков барона М. А. Корфа нам известны его записки на статьи о Пушкине П. И. Бартенева, помещенные в Московских Ведомостях 1854—55 гг., а затем несколько характеристических определений самой личности поэта вместе с передачей некоторых весьма важных событий из его жизни, что все благосклонно сообщено было их автором другим исследователям Пушкинского периода нашей литературы. Не нужно прибавлять, что заметки и отрывки эти остаются до сих пор в рукописном виде, хотя довольно значительные выдержки из них были приводимы уже не раз в различных биографических отрывках о Пушкине, везде составляя наиболее серьезное и существенное их слово.

Небольшая статья И. И. Пущина, озаглавленная „Записки И. И. Пущина“, помещена была в Атенее 1859 г. № 8 (цитаты из нее). Она тоже весьма много помогала биографам нашим говорить о Пушкине в черные годы с некоторым убеждением и твердостью.

ственных своих безграничных страстей и потребностей. Лицо Пушкина у другого биографа освещено совсем другим светом. Покоряясь (неразб.) влиянию унаследованной им впечатлительности, он является здесь с ранних пор игралищем бурных порывов и противоположных стремлений, но при всем том неизменно сохраняет любящее сердце и всегдашнюю моральную возвышенность своего обыкновения на случай ошибки или падения. Нет ничего странного или необъяснимого в этом разноречии двух современников и двух товарищей Пушкина, одинаково верно и беспристрастно передававших свои воспоминания. Каждый из них, рисуя образ поэта, выражал собственное свое понимание его — и это именно составляет неоценимое качество обоих очерков, придавая им удивительно реальный жизненный характер. Всякая попытка примирить эти столь же противоположные, сколь и искусные свидетельства каким либо механическим или искусственным способом в роде допущения обоим воззрений на Пушкина с некоторыми только урезками от того и другого была бы ребяческой игрой, не способной привести ни к какому положительному выводу и ничего дать кроме обмана. Ясно, что вывести публику из затруднения, в которое поставляет ее разноречивые, а вместе и необоснованные приговоры можно только одним способом — именно представить ей новый образ Пушкина, который бы по полноте своего выражения не боялся никаких свидетельств, допускал все исторические указания, какого бы свойства они ни были и разрешал их вполне удовлетворительно, сохраняя все нравственное свое достоинство и всю жизненную правду свою.

Вопрос заключается в том, способно ли лицо поэта на такого рода преобразование и может ли оно предоставить необходимые черты для создания в вышеуказанном роде. Опыт жизнеописания Пушкина, который мы теперь предлагаем публике, написан именно в виду сильного разрешения этого вопроса.

Устраняя от себя честолюбивую задачу выработать всеобъемлющий тип для лица нашего поэта, что значительно превосходит наши средства и требует уже сильного творческого таланта, мы бы желали только передать читателю вполне и истинные основания, которые привели нас к убеждению о возможности найти его. Мы имели в виду употребить все доселе собранные биографические материалы на то, чтобы указать, по крайнему нашему разумению, наиболее прямую дорогу к этому типу и силится сделать навстречу ему несколько пробных шагов. Даже и в этом ограниченном виде задача требует еще многих художественных способностей, которые по всей вероятности могут у нас и не оказаться. Никто не будет спорить, что войти в какие-либо близкие родственные (неразб.) отношения к одним уже оставившим существование можно только через посредство исторического чутья и художественного инстинкта, соединенных вместе. Тщетно стади бы мы собирать для достижения этой цели каждую малейшую подробность его жизни, заносить в памятную книжку все толки и слухи дошедшие к

нам от его современников—на конце длинного повествования мы принуждены были бы признаться, что мы не написали еще и первой строчки биографии в настоящем и истинном значении слова. В чем состоит призвание, сущность и достоинство биографии? Они состоят (неразб.) не в верности жизнеописания разноречивых исторических данных, а только в верности его своему собственному представлению красоты, идеалу. Достоинство и правда каждого жизнеописания состоят совсем не в верности его слагаемым разноречивым историческим законам, собранных им о лице, а в верности собственному своему представлению лица, которое возникло или должно было возникнуть у него при разборе этих данных, и потом в живой передаче своего представления.

По крайней мере все Европейские биографии, способствовавшие водворению того или иного понимания замечательных лиц западной цивилизации достигали предположенных ими целей не иначе, как осуществляя тип или идеал, сложившийся в уме их авторов при изучении источников для своего труда. Нет сомнения, что обилие частных сведений способствует легчайшему образованию типических представлений, но не подлежит однако сомнению и то, что сами по себе источники не способны дать при всей возможной их группировке никакого подобия живой человеческой личности. Доказательством может служить наша биографическая литература вообще.

Источников для жизнеописания Пушкина, например, накопилось у нас много, но нигде не видно и признака типа или образа, которому бы они дали жизнь или вывели на свет. А между тем при отсутствии реального представления личности, при исключительном господстве сказочных, убегающих и разрозненных черт, не сведенных биографом к единству живого человеческого облика—является неизбежно и условное изображение лица, вместо настоящего его понимания. Такими именно условными представлениями, которые очень легко спутывает и разбивает в прах всякий вновь открытый документ, всякое даже поверхностное критическое замечание, должны были довольствоваться, вплоть до последнего времени, когда начались у нас попытки создания действительных характеров в области биографии—все наши старые писатели, начиная с Ломоносова, да и не только писатели, но и почти все государственные и общественные деятели наши.

Мы отвечали только жизненным потребностям литературы и публики, когда поставили себе целью освободить благородное лицо Пушкина от условных представлений, хотя бы и доброжелательных к нему в сущности и возратить ему в биографии то внутреннее нравственное выражение, которое производило такое обаяние на окружающих при его жизни и способно выдержать, не извиняясь, все возможные разоблачения, факты и даже позорные нападки после того.

Конечно, наш опыт воспроизведения этого типа может оказаться крайне слабым, несовершенным и недостаточным, но вовсе бесполезным он оказаться уже не может по той причине, что опровержение его

должно быть соединено с предложением другого, более полного, более жизненного и верного типа Пушкина, а это гораздо важнее, чем открытие десятка новых мелких данных или спора по поводу той или другой биографической подробности. Если он вызовет глубокий психический анализ характера и духовной природы поэта и яркое определение того времени, в которое он жил и действовал, то цель его будет вполне и совершенно достигнута“.

25 сентября 1866 г.
Киев

Такова эта любопытная рукопись. Приступая к ее анализу, прежде всего мы должны отметить, что и на этот раз Шляпкин дал ей совершенно неправильное заглавие. Этот черновик вовсе не является „ответом Анненкова на критику“. Самим П. В. Анненковым рукопись помечена 1866 г., когда никаких серьезных критических выступлений его труд не вызывал. Как известно, критика была начата в 1880 г. Ефремовым. Между обоими авторами началась очень резкая полемика, и ответ Анненкова на выступление Ефремова, не имеющий ничего общего с нашим наброском, был напечатан в свое время в журнале, а затем воспроизведен в уже упомянутой нами книге „П. В. Анненков и его друзья“.

Из текста самого черновика ясно, что он стоит в непосредственной связи с каким-то биографическим очерком. Об этом совершенно определенно говорят такие слова Анненкова: „Опыт жизнеописания Пушкина, который мы теперь предлагаем публике, написан именно в виду сильного разрешения этого вопроса“. Да и тон нашего черновика совсем не полемический. Анненков вовсе не возражает своим противникам, а спокойно излагает свою точку зрения на биографию вообще и на биографии Пушкина в частности.

Поскольку нам известно, это первое такое обстоятельное изложение и обоснование всего подхода к биографии Пушкина, сделанное Анненковым, и в этом большая ценность нашего черновика. В конце 60-х годов, Анненков готовил к печати другую свою книгу о Пушкине: „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху (1799—1826)“, которая и вышла в свет в 1874 году. При этой книге имеется небольшое предисловие, которое и сопоставляем с нашим черновиком.

Приводим предисловие не целиком, а только его первую часть.

„При составлении этих очерков первых впечатлений и молодых годов Пушкина мы имели в виду дополнить наши материалы для биографии А. С. Пушкина, опубликованные в 1855 г., теми фактами и сообщениями, которые тогда не могли войти в состав их, а затем сообщить, по мере наших сил ключ к пониманию характера поэта и нравственных основ его жизни. Несмотря на то, что появилось с 1855 г. в современных изданиях наших для пополнения биографии поэта, на множество анекдотов, о нем, рассказанных, очевидцами и собирателями литературных преданий, на значительное количество писем и других доку-

ментов, от него исходящих; или до него касающихся; несмотря даже на попытки монографий, посвященных изображению некоторых отдельных эпох его развития, личность поэта все-таки остается смутной и неопределенной, как была и до появления этих работ и коллекций. Характеристика поэта, как человека и замечательного типа своего времени, не только не подвинулась вперед с эпохи его неожиданной смерти в 1837 г., но еще спуталась, благодаря тенденциозности одних толков о нем и одностороннему панегирическому тону других. В виду близкого открытия памятника, которым Россия намеревается почтить заслуги Пушкина делу воспитания благородной мысли и изящного чувства в отечестве, на совести каждого, имеющего возможность пояснить некоторые черты его нравственной физиономии и тем способствовать установлению твердых очертаний для будущего его облика, — лежит обязанность сказать свое посильное слово, как бы маловажно оно ни было. Исполнению этой обязанности мы и посвятили наш очерк первого, Александровского периода Пушкинской жизни, — периода, который положил основание всему дальнейшему развитию его идей и направлений. Если нам удастся одинаково устранить два противоположных воззрения на Пушкина, существующие донныне в большинстве нашего общества, из которых одно представляет его себе прототипом демонической природы, не признававшей ничего святого на земле, кроме своих личных или авторских интересов, а другое, наоборот, целиком переносит на него самого всю нежность, свежесть и задушевность его лирических произведений, считая человека и поэта за одно и то же духовное лицо, — то цель нашего очерка будет вполне достигнута“.

Связь между этими двумя предисловиями совершенно несомненна, но между ними и большие различия. Черновое предисловие Анненкова гораздо интереснее задумано. Оно шире по поставленным задачам, гораздо определеннее и конкретнее в своих требованиях и поэтому гораздо ценнее для исследователя. Мы можем отметить и ряд почти тождественных совпадений, но их не так много.

В окончательной редакции Анненков вычеркнул все, что так или иначе могло задеть щепетильных родственников или знакомых поэта, все, что могло подать повод к каким-нибудь цензурным придиркам; так, в окончательной редакции выброшена вся тирада о семейных тайнах, которые по мнению Анненкова мешают изучению жизни великих людей. Затем, в черновике гораздо шире задачи изображения облика Пушкина. Анненков мыслит его „как человека, как политическое и общественное лицо и как характер“, тогда как в беловике просто говорится о характеристике поэта, как „человека и замечательного типа своего времени“.

В черновике Анненков два различных взгляда на Пушкина приурочивает к Корфу и Пущину, тогда как в беловике эти имена вовсе не упоминаются и высказывания Анненкова по этому поводу носят общий характер. Наконец, в черновике Анненков очень обстоятельно останавливается на задачах, которые должен преследовать биограф, стремя-

щийся воссоздать образ великого человека. Анненков подчеркивает необходимость идейного осмысления биографического материала, он возражает против крохоборческого нанизыванья фактов из жизни изучаемого лица, нанизыванья, которое превращается в самоцель. Настаивает Анненков и на изучении „времени, в которое жил и действовал,“ объект биографического изучения, на историческом правдоподобии образа. И наконец, по мнению Анненкова, для создания хорошей биографии, помимо всех уже указанных условий, необходимо обладать творческими способностями и надо ярко представлять себе „живого человека“. Без этого, несмотря ни на какие подробности, изображение будет мертвым, недействительным.

Что же нового дают приведенные отрывки из черновика предисловия и черновик Анненковской работы о прозе? Начнем с черновика. Принципиальное его значение в том, что предположение, высказанное гадательно, получило подтверждение. Анненков в своей работе над подготовкой пушкинских текстов к печати действительно исходил из посмертного издания 1838 г., а поскольку он работал один и не имел никакого опыта в этом сложном деле, то ошибки были неизбежны. Совершенно ясным представляется и ход работ: сначала посмертное издание, затем добавления из старых журналов и из „пакетов“, т. е. из пушкинских рукописей.

Вторым важным моментом является установление некоторых интересных расхождений между Анненковским текстом и текстами всех других изданий, включая и наши советские. В этом отношении наибольшую ценность представляет неизвестное до сих пор окончание записи о „Графе Нулине“: „Я имею привычку на моих бумагах выставить год и число. Гр. Нулин написан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения“. Эта загадочная фраза заставляет призадуматься и поискать каких-то ключей в других черновиках Анненкова и в текстах Пушкина. Известно, сколько за последнее время найдено новых данных, говорящих о гораздо большей революционности Пушкина, чем это было принято думать до сих пор. Достаточно вспомнить „Записки Долгорукова“. Несомненно также, что, как совершенно правильно отмечено в статье „Слепые Пушкинисты“ (Правда, 16/XII 1936), очень многое из пушкинских текстов, исключенное в дореволюционных изданиях, так и не включено в наши советские. Тем более ценны для нас все высказыванья Пушкина, рисующие его политическую физиономию.

Интересным мы считаем и „Предисловие к путешествию в Арзрум“ в анненковском черновике. Как мы уже говорили, восклицание Пушкина: „что за несчастные люди русские писатели!“ перекликается с выпущенными строфам в „Домике в Коломне“ и является красочным дополнением к тому, что нам известно о литературной борьбе 30-х годов между Пушкиным и Булгаринской кликой и Телеграфом.

Очень интересно также упоминание о какой-то тетради Краевского. Зная исключительную осведомленность Анненкова и его не менее исклю-

чительную добросовестность в указании на источники, надо внимательно отнестись к этому упоминанию и попытаться найти разгадку в еще ждущих своего изучения черновиках Анненкова в ИРЛИ.

Теперь о предисловии. Эти несколько страничек дополняют и уточняют наше представление об Анненкове-биографе. Основное требование, которое выдвигает Анненков: „верность изображения принятому идеалу“ заставляет признать, что в своем биографическом очерке и в материалах Анненков совершенно сознательно оставил в стороне все то, что противоречило его пониманию Пушкина. В связи с этим особенное значение приобретает уже цитированная нами фраза одного из братьев Анненкова о материалах „для сведения и для печати“.

Анненковское толкование образа Пушкина для нас совершенно неприемлемо. Его стремление затушевать в Пушкине бунтаря и бойца, по возможности смягчить свободомыслие Пушкина, объяснить его антирелигиозные высказывания, как „шалость“, конечно, не могут быть приняты нами. И тем более мы должны внимательно отнестись ко всему, что Анненков не включил, как несоответствующее изображаемому образу. В материале, забракованном Анненковым, мы без сомнения найдем очень много близкого и ценного для нас.

Но с одним нельзя не согласиться. Анненковское замечание о незадачливых биографах кажется написанным в наши дни. „Несмотря на богатство биографического материала, собранного вокруг имени Пушкина, сам он, как человек, как политическое и общественное лицо и как характер, остается едва ли не теми скудными нравственными чертами, какие состояли за ним тридцать лет назад, в минуту его внезапной смерти“. К сожалению, мы должны принять Анненковское замечание и изменить только число лет. За сто лет, прошедших со смерти величайшего русского поэта, его полная биография еще не написана и единственным в своем роде остается совершенно нас не удовлетворяющий труд Анненкова.

И наконец, мы целиком принимаем требование Анненкова к биографам Пушкина не превращать собиравание фактического материала в самоцель, не забывать об основной задаче: дать яркую живую фигуру, красочный образ на фоне эпохи. Нас не может удовлетворить Анненковское толкование образа Пушкина, но мы настаиваем вместе с ним на том, что никакое крохоборство, никакое высасывание мелочей, чем иногда еще сильно грешат пушкинисты, не должно заменять глубокого, разностороннего изучения жизни и творческого пути Пушкина и что это изучение должно строиться по-марксистски.

Третьим документом из архива Анненковых являются „Цензурные урезки соч. А. С. Пушкина“. Этот документ ведет свое начало из архива не Павла, а Ивана Анненкова, который, как мы знаем, и приступил вначале к изданию Пушкина, передав затем все дело своему брату П. В. Анненкову. Зная, что Шляпкин не всегда давал правильные названия имевшимся в его распоряжении материалам, доказательством

чего служат два уже разобранных нами случая, мы оставляем под вопросом факт принадлежности этого отрывка Пушкину.

Даем краткое описание рукописи.

Эта рукопись представляет собой три листа обыкновенной писчей бумаги, желтоватого цвета без водяных знаков. Бумага сложена в виде тетради. Первые три страницы пусты. Запись карандашом начинается с четвертой страницы. Эти три листа вложены в четвертый, на котором рукой Шляпкина написано:

*ИЗ БУМАГ И. В. АННЕНКОВА
„ЦЕНЗУРНЫЕ УРЕЗКИ СОЧ. А. С. ПУШКИНА“.*

(Довольно большой зал, установленный музыкальными инструментами, как то: скрипки, контрабасы (в футляре), трубы, турецкий барабан и пр.).

(Музыка кончает играть, когда занавесь уже поднята; на сцене никого нет; раздается звонок. Из дверей направо выходит Роза).

ЯВЛЕНИЕ I

Роза, потом Англичанин

Ну, верно это ко мне жениха Бог послал; посмотрим-ка что за сокровище выдастся (Садится к столу и берет книгу). Будет ли когда конец моему невыносимому положению. Однако он идет. Долго ли мне придется терпеть.

(Входит Англичанин)

Англ. Позвольте вас узнать... (увидев Розу) Ай, какая красавица.

Роза. Здравствуйте. Позвольте узнать, что вам угодно.

Англ. Извините за беспокойство, но вот причина моего прихода шарит в карманах (в стор.) Я так растерялся, что стал глупее барана не могу найти... а вот... (вынимает газету). В 153 № вот этой (неразб.) газеты было объявлено: одна молодая девица невеста, с хорошим образованием ищет себе жениха; приданое ее состоит из одних музыкальных инструментов, необходимых для полного оркестра и поэтому она желает необходимо чтобы жених ее был музыкантом; адресоваться нужно и т. д. Я это прочитал и я пришел; вот это-то объявление привлекло меня сюда и в адресе мне кажется не ошибся.

Роза. Да, точно, вы не ошиблись, эта девица я, а вот мое приданое.

Англ. А! так это вы. (в стор.) Она так хороша прелестна, что я окончательно в нее влюбился (Розе). Так это вы, так позвольте мне быть вашим женихом (становится на колена), вы так прелестны, что я взглянув на вас только полюбил вас до безумия.

Роза. Ах встаньте пожалуйста и объяснитесь сперва. Позвольте узнать, кто вы такой.

А н г л. Я— (фамилия) родом англичанин, по призванию музыкант, любимый мой инструмент это контрабас, но я также играю и другие инструменты. Вот почему я пришел. И так, прелестное создание, будьте моим контрабасом!

Р о з а. Что такое?

А н г л. Ах что это я заврался. Я вас желаю иметь своей супругой. Ваши глазки и ваше личико и ваше все...

Р о з а. Оставьте это покуда, а вы ответьте-ка мне по совести: что вас привлекло сюда, когда вы прочитали мое объявление?

А н г л. О, я не видавши вас еще должен был на вас жениться. Я (имя и фамилия) прежде чем человек, я англичанин. Прочитав ваше объявление я сказал себе (имя) ты должен жениться для чести Англии, чтобы никто не сказал, что ты упустил такую оригинальную невесту.

Р о з а. Так вот что вас привлекло сюда; вас привлекла новизна, небывалость подобного предложения.

А н г л. О!

Р о з а. Позвольте, я не спору, что искать себе жениха по газетам очень похоже скорее на коммерческое предприятие, чем на обыкновенный брак, но согласитесь же в браке мало одного расчета, но должно думать также и о любви.

А н г л. А, но ваша красота...

Р о з а. Вы не знали моей красоты когда шли сюда.

А н г л. Да, но теперь я вас полюбил более, более... чем контрабас, который я так сильно люблю.

Р о з а. Благодарю вас за предложение, оно так лестно для меня.

А н г л. Значит я могу надеяться. О! дайте еще слово.

Р о з а. Я не хочу вам отказывать, но позвольте мне подумать прежде чем решиться.

А н г л. О не думайте (на коленях) я всегда был терпелив, но теперь мое терпение может лопнуть так вас люблю, что я не могу больше ждать — когда наша свадьба (слышен звонок).

Р о з а. Встаньте же. Верно ко мне жених идет. Что это какой вы нетерпеливый.

А н г л. Чорт с ним, с женихом! Не мучьте меня, скажите мне да; хоть я терпелив, но мое терпение может лопнуть, лучше я вас съем, но никому не отдам.

ЯВЛ. 2

Те же и Пиколини (входит и раскланивается)

Пиколини (в сторону). Ах, какая душка!*

А н г л. (Англ. вскакивает) Я терпелив, но тут всякое терпение лопнет (подходит к турецкому барабану и ударяет его так сильно, что он лопается).

Р о з а. А барабан-то и подавно, лопнет.

А н г л. Дайте же мне ответ, согласитесь на мою любовь.

Роза. Нет, позвольте мне еще подумать.

Англ. Хорошо (взглянув на Пиколини в сторону ей) вечером я приду узнать ответ (откланивается).

Пиколини (на авансцене). Чем черт не шутит, но испытаю свое счастье, приходилось мне уж хоть удавиться да лучше попытаю перед тем жениться.

Роза. Здравствуйте, мног. гос. позвольте узнать кто вы и что вам угодно.

Мы не настаиваем на принадлежности этого отрывка Пушкину, хотя по мнению некоторых специалистов, например, академика В. Переда, рукопись вне всякого сомнения писана рукой Пушкина. Если даже это предположение правильно, не исключена возможность, что этот отрывок просто перевод, вернее набросок какого-то перевода, сделанный Пушкиным.

Известен исключительный интерес Пушкина к драме и его широкое знакомство с западноевропейской драматургией. Из задуманных Пушкиным драм очень немногие получили осуществление.

Это было хорошо известно уже первому пушкинскому биографу, П. В. Анненкову, у которого читаем такие любопытные строки (П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений СПб. 1873 г.): „Скупой, Моцарт и Сальери, Дон Жуан принадлежат к ряду небольших, но удивительно изящных по форме и необычайно живых по содержанию драм, которых у Пушкина было гораздо более, чем напечатано.“ Мы имеем несомненное доказательство тому. На оборотной странице стихотворения „Под небом сладостным Италии своей“ мы нашли перечень всех драм, написанных им, из которых только половина нам известна; другая или была истреблена автором, или изложена вчерне и затеряна потом. Пушкин никогда не делал перечета произведениям еще не существующим. Любопытный реестр, о котором говорим, написан карандашом рукой Пушкина и здесь представляется читателям:

Скупой
Ромул и Рем
Моцарт и Сальери.
Дон Жуан

Берольд Савойский

Влюбленный бес
Дмитрий и Марина
Курбский

В этом списке упоминаются следующие совершенно неизвестные драмы Пушкина, которые в тексте Анненкова выделены им курсивом: Ромул и Рем, Берольд Савойский, Дмитрий и Марина, Курбский. Кроме того в этом перечне пропущена драма о палессе Иоанне, набросок которой сохранился в бумагах Пушкина. Затем почему-то не упомина-

ноты „Пир во время чумы“ и „Сцены из рыцарских времен“.

Опубликованный нами текст не может быть поставлен в связь ни с одним из этих не получивших осуществления замыслов. Точно так же не можем мы найти ему никаких параллелей в творчестве поэта.

Тем не менее, мы считали полезным опубликовать его, в надежде путем дальнейшего изучения архива Анненковых и черновиков П. В. Анненкова найти разгадку вопроса и установить отношение этого наброска к пушкинскому творчеству.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы к его биографии и оценке произведений. СПб. 1855 и 1873. гг.

П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб. 1874 г.

П. В. Анненков и его друзья. СПб. 1892 г.

Вестник Европы, март 1892 г. А. Н. Пыпин, П. В. Анненков и его друзья. Вестник Европы, 1892 г, книга 2. Рецензия на книгу П. В. Анненков и его друзья.

Русская Старина. 1884 год. В. Е. Якушкин. Описание рукописей А. С. Пушкина и пр.

Л. Майков. Пушкин. СПб. 1899 г.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Прибой 1929 г.

Д. Благой. Проблемы построения научной биографии Пушкина. Литературное наследство, 1934 г., книга 16/18.

Пушкин. Однотомник под ред. Б. Томашевского. ГИХЛ. 1936 г.

Пушкин. Шеститомник под ред. Цявловского. ГИХЛ. 1934 г.

А. С. ПУШКИН

1837--1937

*Сборник статей
и материалов*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1937